

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 261.5

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508

EDN BWVHCS

Горизонты подлинности теологического мышления: случай Карла Барта

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью)
Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии
Русской Православной Церкви Московского Патриархата
Россия, 308009, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Для современной теологии ключевое значение обретает обнаружение и «картографирование» границ теологического познания, тех определяющих концептов, которые выступают фундаментом теологического призвания познавать мир. Гносеологической спецификой современной теологией выступает определение контуров подлинной и неподлинной теологии, параметров, позволяющих выявить результативность теологического поиска. Очевидность подобной формулировки, однако, не приводила к появлению развернутых системных исследований по данному вопросу, в настоящее время поле вопрошания о подлинности теологии остается практически незанятым. Целью данного исследования является выявление параметров подлинности теологического исследования на примере теологического метода и теологической системы Карла Барта. В результате исследования были выявлены следующие параметры искажения теологического метода: теологическая нерешительность, излишняя опора на «человеческий» понятийный аппарат, чрезмерное контролирование теологического поиска. К параметрам подлинной теологии можно отнести принятие высокой меры ответственности за получаемый теологический результат, право теолога на гносеологическое молчание, принятие ситуации «убегающей» теологии, в которой теолог отказывается от радикального фундаментализма; формирование особого познавательного теологического пространства, отличающегося гносеологической мобильностью и гибкостью. Полученные результаты вносят вклад в развитие концептуального понимания результативности теологического метода, позволяют выстраивать перспективы подготовки теологов в направлении максимально эффективного познавательного результата.

Ключевые слова: К. Барт, подлинность теологии, теологический метод, теология и современность, теология и познание

Для цитирования: Колесников С.А. 2025. Горизонты подлинности теологического мышления: случай Карла Барта. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 497–508. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508. EDN: BWVHCS

Horizons of the Authenticity of Theological Thinking: The Case of Karl Barth

Sergey A. Kolesnikov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus),

Orthodox Christian religious organisation of Belgorod and Stary Oskol Archdiocese
of the Russian Orthodox Christian Church of Moscow Patriarchate

75 Belgorodsky Ave., Belgorod 308009, Russian Federation

skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. For modern theology, it is of key importance to discover and "map" the boundaries of theological knowledge, those defining concepts that serve as the foundation of the theological vocation to explore the world. The epistemological specificity of modern theology is the definition of the contours of authentic and non-authentic theology, the parameters that make it possible to identify the effectiveness of the theological search. Though evident, the need for such definition has not led to extensive systematic research into this issue, and currently the field of questioning the authenticity of theology remains virtually unoccupied and unexplored. The purpose of this study is to identify the parameters of the authenticity of theological research using the example of the theological method and the theological system developed by the authoritative theologian Karl Barth. The methods of comparison, analysis, deduction, induction, and the axiomatic method are used as methodological tools in the article. The study revealed the following parameters of the distortion of the theological method: theological indecision, excessive reliance on the "human" conceptual apparatus, and excessive control of the theological search. The parameters of genuine theology include the assumption of a high degree of responsibility for the resulting theological result, the theologian's right to epistemological silence, the acceptance of a situation of "runaway" theology in which the theologian rejects radical fundamentalism, and the formation of a special cognitive theological space characterized by epistemological mobility and flexibility. The results obtained contribute to the development of a conceptual understanding of the theological method effectiveness and allow us to build prospects for training theologians with a view to achieving the most effective cognitive result.

Keywords: K. Barth, authenticity of theology, theological method, theology and modernity, theology and cognition

For citation: Kolesnikov S.A. 2025. Horizons of the Authenticity of Theological Thinking: The Case of Karl Barth. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 497–508 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508. EDN: BWVHCS

В современном теологическом знании ключевое значение обретает обнаружение и «картографирование» границ теологического познания, тех определяющих концептов, которые выступают фундаментом теологического призвания познавать мир. Особая ситуация складывается с теологическим наследием известного теолога Карла Барта, где концептуально представлены контуры подлинного теологического миропознания. Из контекста рассуждений К. Барта о призвании теологии к «добровестности» можно выделить параметрические характеристики того, что является внетеологическим и даже антитеологическим [Колесников, 2024].

К списку нетеологического в первую очередь К. Барт относит теологическую нерешительность: «...может случиться так, что человек прячется именно от самого Евангелия там, где он хотел бы совершенно и окончательно защитить себя от смелости Павла!» [Барт, 2010, с. 180]. Теология, малодушно отказывающаяся от сакрального призыва к исполнению христианских заповедей, не может считаться подлинной теологией.

Нетеологическими являются, согласно Барту, и попытки придать теологии «слишком человеческий» регистр. Добрая весть, приносимая теологией, восходит прежде всего к Божественному, а не к человеческому. Вектор развития теологии, стремящейся усилить человеческие «позиции» в богословии, неприемлем для Барта. «Католичество для Барта, — отмечает В. Н. Васечко, — является высшим выражением человеческого дерзновения самостоятельно толковать Откровение Бога... Именно в католической средневековой мистике Барт видел истоки того замещения Откровения Бога религиозным опытом человека, которое затем разовьется в гуманизме Ренессанса, зависимости бытия Божия от человеческого разума... и продолжится в пиетизме и рационализме вплоть до расцвета в либеральном протестантизме XIX в.» [Православная энциклопедия, URL]. Чрезмерная «очеловеченность» теологии мешает выполнить основные задачи богословия по Бого-славию: все, что не позволяет, не дает славить Бога — контртеологично. Богославие есть процесс, не ограниченный человеческим опытом, рамками экзистенции, это не победа в теологических дискуссиях или фиксации неких теологуменов. Теология — это скорее процесс Божьего прославления, а не дискретный результат, фиксированный в теологических текстах. Подобный подход Барта позволяет переосмыслить специфику и задачу теологических дискуссий (в частности, специфику защит диссертаций на теологическую тематику): в теологических спорах, выстроенных по законам «человеческого» знания, можно проиграть, но это не означает, что проигравший теологически не прав. Правота в теологии иная: если занятия теологией дают радость и повод для благодарения Бога, если привнесена «добрая весть» — это подлинная теология. Теология, считал К. Барт, не приносит эпистемологическую пользу или научно-результатирующую рентабельность. Подлинная теология приносит спасение, а спасение начинается с Богославия.

Поэтому «в историко-критическом методе Барт видел опасную негибкость, стремление "овладеть" текстом Библии и, следовательно, поставить Слово Божье под свой контроль» [Барт, 2005, с. XXII]. Когда П. Тиллих противопоставлял Божественную Откровение и человеческую идею («неправильно будет, если мы дадим Откровению испариться в Идею» [Тиллих, 1925, с. 152]), то здесь он, в унисон с Бартом, предупреждает об опасности теологии закоснеть в идейности как рационалистическом симулякре Откровения, в том, что К. Барт определял как *διάλογισμοί*, «мудрования», «сомнения», «замысловатые рассуждения». Здесь и проходит граница между теологическим и не-теологическим, и подлинная теология начинает выполнять задачу маркировки искушения подмены человеческим Божественного. Теолог получает статус стража, ответственного наблюдателя (см. у Тиллиха: «теологический акт не есть акт веры, а наблюдение за этим актом» [Тиллих, 1925, с. 152]), тем самым присутствуя при фронтире между теологическим и не-теологическим. Координаты теологического места, привязка к теологической «топографии» определяют контуры теологического и не-теологического пространств, и для Барта этот рубеж (понимая рубеж как «самостоятельное бытие (универсум), в котором происходит встреча самостоятельных... экзистенций» [Летина, 2012, с. 234]) очевиден.

Ответственность теолога как наблюдателя на этом рубеже — как любая серьезная ответственность — сопряжена с определенной опасностью, что также может рассматриваться в качестве маркера, разделяющего теологическое и не-теологическое. Безопасная, толерантно-выхолащенная теология для Барта не является теологией. Высокий уровень теологической ответственности предполагает принятие и ответственности за возможные далеко не безопасные последствия теологической мысли. Барт даже подчеркивает в предисловии ко второму изданию «Послания к Римлянам» потенциальную включенность опасности в подлинное богословие: «К. Мюллер-Эрланген (K. Muller-Erlangen) правильно отметил, что эта книга может фатально действовать на незрелые души. Тот, кто желает упрекнуть меня в этом, пусть примет в расчет, что из-за

опасности христианства его светильник постоянно помещали под спудом. Может быть, прав Шпренгель (Sprengel), говоря, что мы вступаем в “железный век”, и тогда необходимо не дать богословию и богословам почувствовать это?» [Барт, 2005, с. XI]. Призвание подлинной теологии – напоминать о возможности «железного века», о неизбывной опасности, грозящей духовности, и при этом сама теология не может не быть в определенной степени опасной («Блюдайте, како опасно ходите» (Еф.5:15)), предназначена придавать теологической экзистенции напряженность риска.

Потому в адрес Барта возникает целый ряд богословских обвинений, что и определяет степень опасности его теологии: то якобы Барт «принимает сторону супралапсариев» [Матаков, URL], то богословие Барта якобы сводится к «криптоне-сторианству» (А. Гарнак). Список обвинений можно продолжать долго. Но именно атмосфера опасности, богословского вызова, считал Барт, формирует подлинную теологию. Позиция-место теолога (своеобразный теологический редут) предстает как «борьба на два фронта» [Кюнг, 2000, с. 319]: с внутренними, эндотеологическими, вопросами каноничности, догматики, в целом богословской легитимности и внешними, экзотеологическими, темами, находящимися за пределами подлинно теологического бытия. Если эндотеологическая проблематика может нести в себе антиномичность в той же проблеме познаваемости/непознаваемости Откровения, то антитеологический универсум никаким образом не должен входить в пространство теологии.

Теология, не ощущающая себя вовлеченной в противостояние теологического и не-теологического, теология «проклятого и» (Г. Кюнг) (о смыслах союза «и» есть глубокое замечание А. Н. Уайтхеда: «...короткое слово "и" есть целое гнездо неопределенности» [Уайтхед, 1990, с. 380], т. е. семантического союза, соединяющего теологическое и контртеологическое), лишенная интуитивного «иммунитета» к не-теологическому, не может, согласно Барту, считаться в принципе теологией...

Вместе с тем ситуация противостояния теологического/не-теологического выводит к непростому вопросу о возможности – или даже праве! – теолога на умолкание, к вопросу о пределе индивидуального теологического знания. То, что конкретный теолог считает подлинно теологическим, имеет свою завершенность, свою исчерпанность. И здесь наступает болезненный этап выхода теолога из теологического пространства, по крайней мере, отекстованного пространства. Проблема выхода из теологии, проблема неоконченности теологических построений, актуальна для теологической экзистенции Карла Барта. Показательным является отсутствующий финал главного богословского трактата Барта – «Церковной догматики». Данный «тринадцатитомный труд остался неоконченной симфонией, подобно "Сумме" Фомы Аквинского, который, как мы знаем, тоже внезапно прекратил работу над *opus magnum* своей жизни за несколько месяцев до кончины» [Кюнг, 2000, с. 331]. Сопоставление имен Аквината и Барта показательно: процесс исхода из теологии есть процесс закономерный для теолога, процесс, являющийся испытанием на подлинность теологии. Настоящее богословие способно к умолканию в некой точке понимания своей исполненности – и шире! – в своей принципиальной незавершенности, открытости, неспособной быть окончательно выраженной, вычерпано-переданной в тексте.

Роль подлинной теологии – в непрекращающейся импульсации, но не в категоричной завершенности, «Карл Барт на самом деле был инициатором парадигмы, но *не тем теологом, который привел ее к завершению*» [Кюнг, 2000, с. 331]. Категоричная завершенность не является признаком подлинной теологии, ей свойственна открытость, может, даже оборванность на некоем взлете, и принятие такой ситуации также входит в спектр параметров подлинной теологичности. Контртеологичность не способна к ситуации посттеологического, к возможности продолжения, прорастания, подхватывания мысли в ее кажущемся излете-умолкании.

Здесь верным представляется тезис А. Казим-Бека о надежде как главном результате настоящего теологического наследия: «Можно было надеяться, что вот он завершит свой монументальный труд и в заключительной части своей “Догматики” изложит обещанную и главную часть – об эсхатологии, и на этой именно основе завяжется плодотворный обмен о днях последних, о парусии, о новом небе и новой земле. Всю жизнь трудился Карл Барт над своим свидетельством о Боге Слове. Его “христологическая концентрация” постоянно держала его сознание в напряженной обращенности к Альфе и Омеге, к Первому и Последнему. Православие – Церковь Христа Воскресшего – не могло не привлечь более пристальное внимание Карла Барта, дошедшего до понимания, что последние недели земной жизни Христа Спасителя после Воскресения составляют самый важный этап этой земной жизни. Для православных же особенно важно то, что – если суммировать богословское свидетельство Барта – он был и ушел из мира богословом самораскрытия Бога во Христе» [Казем-Бек, 1972, с. 53]. Барт своим уходом из теологического пространства оставляет не столько заверченный проект, сколько надежду на дальнейшее «самораскрытие» теологической истины для последующих поколений теологов. Урок Барта и в том, что теолог должен быть готов к недоговоренности, к недослушанности – и возможно, к недопониманию – но даже в умолкании подлинная теология несет надежду, что не способен дать контртеологический контент.

На фоне проблематики теологического исхода особым смыслом наполняются слова – или призыв! – Барта в Толковании Посланий: «Мы знаем, что у нас есть повод умолкнуть перед Богом... Речь идет об осознании нашего знания, а не о его постоянном расширении и распространении!» [Барт, 2010, с. 292]. Сакраментальное «мы» Барта становится учительным обращением к теологам, стремящимся сохранить свое присутствие в пространстве подлинной теологической экзистенции, старающейся определить порог, за которым начинается не-теологическое и антитеологическое, и прилагающей максимальные духовно-интеллектуальные усилия не переступить этот испытующий фронт.

Параметрия не-теологии в понимании Барта, таким образом, включает целый ряд взаимообусловленных категорий: непонимание и неприятие ситуации потенциальной оставленности, самой возможности оказаться в пространстве не-теологического и тем самым принципиальное отрицание существования не-теологического; теологический либерализм, смешение недопустимого в контуре подлинно теологического; отказ в признании особой автономности теологии, непереносимость теологического «одиночества»; контрапокалиптика теологии и, как следствие, пустотная бытийность не-теологических построений; *δυσ-ἄγγελος*, зловестие теологии; чрезмерная очеловеченность богословских построений, забывающая о трансцендентальных истоках теологии; утрата ответственности, чувства опасности и дисциплины дозорности теолога как наблюдателя-стража на фронте теологического и не-теологического; лишение теологии права на незавершенность конкретного богословского проекта, претензия на окончательность и безапелляционность выводов, отсутствие видения ситуации умолкания теологической речи. Весь этот блок, характеризующий не-теологическое как область, противостоящую подлинному богословию, может рассматриваться в качестве особого направления в богословской системе взглядов К. Барта, четко определяющего актуальность проблематики противопоставленности теологической и контртеологической форм экзистенции.

После выяснения «негативно-апофатического» спектра параметров того, чем, по мнению К. Барта, теология не является, оправданным продолжением должно стать рассмотрение его «позитивных» взглядов на теологию, тех позиции, которые определяют формат подлинного богословия.

Но в случае с Бартом закономерно возникают существенные сложности системно-параметрического характера. Ведь в целом теологическое наследие Барта представляет

собой такой динамичный и грандиозный проект, что любая попытка вычленивть некие отдельные составляющие «идеальной теологии» в принципе будут неполными. Уже П. Тиллих фиксировал колоссальность и даже квазитеологичность наследия Барта: «Движение Барта принадлежит к великим событиям в истории протестантской теологии: да, в некотором смысле, оно по значению своему даже уходит за пределы теологии, – и это наиболее сильный элемент в нем» [Тиллих, 1925, с. 154]. Теологическая «система» Барта отличается открытостью, движением, отсутствием остановки, а следовательно, неподвластностью блокирующим категоризации и систематизации.

Конечно, попыток классифицировать богословие Барта возникало немало. Одна из наиболее интересных – систематизация Дж. Хансингера в монографии с дидактико-пропедевтическим названием «Как читать Карла Барта...» (1991). Хансингер стремится выделить «повторяющиеся мотивы» теологии Барта – их насчитывается шесть – и выстроить из этих принципов целостную систему теологических взглядов К. Барта. «Актуализм» как «мотив, определяющий сложную концепцию бытия и времени», как актуализация чуда, «которое постоянно обрушивается на человеческое существо и которое нужно искать всегда заново» (здесь и далее перевод наш. – С. К.) [Hunsinger, 1991, p. 4]; «партикуляризм», фиксирующий уникальность «события под названием Иисус Христос» и выводящий все теологические положения исключительно из этого События; «объективизм» – «мотив, относящийся к пониманию Откровения и спасения», которые открываются через объекты тварного мира и являются «объективными, действительными и эффективными вне зависимости от того, признаются или принимаются они существом» [Hunsinger, 1991, p. 5]; «персонализм» представлен как Божественная самоманифестация, selfmanifestation, проявление себя Богом в «виде личного обращения», «общение в формате «Я – Ты»; «реализм», трактуемый Бартом как «концепция богословского языка», который «радикально отличается от экстралингвистического объекта, каким является Бог, но по благодати этот язык призван к превосходению себя», обеспечивает «способы обращения, определенности и повествования, явленных в Писании, а также формирует язык Церкви» [Hunsinger, 1991, p. 5]; и, наконец, «рационализм» как мотив, относящийся к «построению и оценке доктрины» Барта, мотив, на основании которого, «учитывая специфический характер Объекта, предпринимаются попытки исключить некоторые незаконные критерии и процедуры в ходе доктринального построения и оценок». В рамках «рационализма» Барта докторинальные положения «могут быть выведены за пределы поверхностного содержания Писания и «рационализированы» как более глубокий и единый в своем основании концептуальный метод понимания Писания» [Hunsinger, 1991, p. 5], – все эти позиции определяют взгляд Г. Хансингера на теологию Барта.

Но при всем глубоком и своеобразном анализе, проделанном Г. Хансингером, полнота теологической концепции Барта не исчерпывается, скорее даже убегает – ведь есть совсем иное видение этой концепции у П. Тиллиха («Диалектическая теология»), А. Казим-Бека («Христианский путь Карла Барта»), у Р. Дженсона («Бог после Бога...» [Jenson, 1969]), Ву Куо-Эна («Концепция истории в теологии Карла Барта»).

Сам Барт, очевидно, предчувствуя попытки «систематизировать» его «движущую» теологию настаивал на множественности теологических подходов: «Теология – это одна из тех, обычно именуемых "науками" человеческих попыток воспринять некий предмет или предметную область как феномен, причем тем способом, который они задают сами, понять их смысл, описать их во всем многообразии их существования. Слово "теология", как кажется, означает, что в ней как особой (совершенно особой!) науке речь идет о восприятии, понимании и описании "Бога". Но под словом "Бог" можно подразумевать многое. Поэтому и существует множество теологий» [Барт, 2006, с. 8]. Данная органическая «подвижность» теологических построений есть главная сложность при концептуализации теологической доктрины Карла

Барта, как, впрочем, и любой иной оригинальной богословской системы. Именно с этой сложностью связаны и трудности становления современной российской теологии, находящейся на стадии перманентного забегания и даже «разброда и шатаний»; теолого-организационный опыт Барта в упорядочении теологической динамики здесь может быть весьма полезен...

В. Джонсон, характеризуя богословский проект Барта, выделяет его *nonfoundationalist*, внефундаменталистический характер: «Перед нами стоит задача рассмотреть, как в построениях Барта уникальность Бога привела к уникальному богословскому бренду внефундаменталистского мышления. Одно из следствий *nonfoundationalism*-а Барта заключается в том, что богословие не должно быть ни одномерным, ни двумерным, но многомерным. Только при таком подходе не возникнет желание принизить Бога до плоскостной реальности...» [Johnson, 1997, p. 4]. Исходя из внефундаментализма Барта, представляется методологически оправданным не предпринимать попыток дать глобальный анализ всей его теологической концепции, – это малопродуктивно и чаще всего спорно, а остановиться на отдельном локусе и вместе с этим фрагментом продвигаться в потоке движущейся теологии Барта, создать некий плацдарм понимания, изнутри которого и станет более понимаемой вся концепция. Все вышеобозначенные категории теологического, как и не-теологического, должны рассматриваться в качестве некоего фона, позволяющего выделить определенный локус, выступающего точкой отсчета, старта движения теологического потока.

Оправданность применения термина «локус» обоснована динамическим характером теологической доктрины Барта. Это именно эмпативный локус подлинно теологического, своеобразная аттрактивная локация, координаты которой определены границей, разделяющей теологическое и не-теологическое, «свое» и «враждебное». Знаковой для понимания системы координат теологического локуса является реакция К. Барта на понятие «враг»: «"Враг" – это тот, кто открывает мне глаза на то, что меня всегда тайно раздражает в ближнем... Он показывает мне, что зло просто идет своим чередом, без ограничения, без противоречия, без помех» [Барт, 2010, с. 456]. И важное уточнение: «...ты солидарен с поверженным Богом врагом, Его зло – это твоё зло» [Барт, 2010, с. 459]. Динамичная подвижность позиции Барта позволяет ему «примерить» лоскуты «враждебного», пропустить враждебное через пространство своей теологичности – неслучайно подчеркивание динамичного «прохождения» зла – и затем демаскировать в себе негативные зоны, не являющиеся подлинно теологическими.

В таком понимании динамики поверженности зла – в случае с теологом: зло «не-теологичности» – зло изживается изнутри, выдавливается из теологического пространства-локуса за его пределы. Логически выверенной поэтому становится рекомендация Барта, сформулированная в «Церковной догматике»: «Для церкви, для веры и вечного блаженства каждого верующего смертельно опасно не замечать, отрицать, стирать, нивелировать любую, хотя бы одну из этих данных в откровении инаковостей имманентности Божьей, превращая ее в нечто обобщенное, которое как таковое определено не может быть божественным» [Барт, 2007, с. 296]. Подлинная теология в своем движении, «протекании», способна вымыть из самой себя зло не-теологического, но для этого теологическое должно бытьдвигающимся, мобильным, развивающимся.

Подлинно теологическое должно владеть разными типами движения, но при этом вектор этого движения, соориентированный в пространстве теологического и направленный на выдавливание не-теологического, остается неизменным. Аналогом разных типов движения могут служить динамические теории Кеплера и Ньютона в интерпретации А. Уайтхэда: «Оба они размышляли по поводу сил, удерживающих планеты на их орбитах. Кеплер искал тангенциальные силы,двигающие планеты вперед, в то время как Ньютон искал радиальные силы, изменяющие направление движений планет» [Уайтхэд, 1990, с. 103]. Сущность движения – различна, но вектор движения

един. Похожая ситуация наблюдается и в сфере подлинно теологического, где движение от одного теологического «места»-концепции к другому может осуществляться разными типами движения, но координаты этих «мест» всегда остаются в границах вероучения.

К. Барта можно охарактеризовать как теолога пространственно-динамического типа, теолога сакрального топоса, стремящегося держать некое выверенное теологическое «место» и в то же время перемещающего это «место» в потоке теологического развития. Специфика его теологических построений манифестирована топологией духа, причем это не новаторство, а скорее продолжение традиции, возникшей еще в заключительной части Послания Римлянам апостола Павла: «...я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании, но, как написано: “не имевшие о Нём известия увидят, и не слышавшие узнают”. Сие-то много раз и препятствовало мне прийти к вам. Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание прийти к вам, как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда...» (Рим. 15: 21-24). В качестве ключевой темы, как представляется, здесь выступает тема места – подвижного, постоянно нового, но в то же время укорененного в традиции, обращенного места, непрерывным поиском которого и занимается подлинная теологичность в своем непрекращающемся движении.

Для теологической топологии Барта одной из важнейших становится проблема присутствия/неприсутствия в конкретном богословском топосе. В характеристиках теологии К. Барта, данных У. Лоу, тема присутствия/неприсутствия вообще оказывается центральной, и Барт выступает «как критик дуализма» [Lowe, 1998, р. 377], выстраивающий непреодолимую границу между Божественным присутствием и отсутствием. К. Барт же, создавая концепцию особой движущейся топосности теологии, отрицает подобную дуалистическую ограниченность.

В своей динамичной критике дуализма концепция Барта может рассматриваться как теологический эквивалент апории «Ахилес и черепаха», в которой проблемы движения, разделенности места, соответствия точки и момента в трактовках А. Бергсона, Н. Бурбаки, Д. Гильберта и многих других приобрели особое звучание. Показательно, что в западном «бартоведении» тезис о связи теологии Барта и физико-философских проблем четко выражен. Так, Т. Торренс подчеркивал: «Земное богословие имеет тесную связь с такими точными науками, как физика... Как и физика, богословие стремится определить свою деятельность пределами, установленными природой ее конкретного объекта, и разработать метод в соответствии с характером объекта ее изучения» [Torrance, 1962, р. 179]. «Богословие считается формой “научной деятельности” по причине безусловной связи со своим объектом и определяется “режимом рациональной деятельности”, строго предписанным природой объекта» [Torrance, 1962, р. 192]. «Физикализм» теологии Барта как раз и раскрывается в проблеме местонахождения: присутствие и отсутствие теолога, как и присутствие и отсутствие Божественного (по Торренсу, «объекта»), в своем теологическом «месте», перемещение этого места и общая траектория динамики теологического роста – все это является «теофизическими» компонентами сложной топологии духа К. Барта.

Знаковым в понимании специфики пространственности теологии Барта является его визуальная реконструкция и даже детальная сценография тех или иных движений в пространстве главных героев его комментирующих трактатов и прежде всего апостола Павла. Но это не театрализация или non-fiction, основанные на виртуальных, игровых, актерско-лицедейских предпосылках. Данный прием визуализации объекта теологического исследования, апостола Павла, позволяет сделать наглядными, доказательными теологические установки самого Барта. Когда Барт рассказывает-показывает, как апостол Павел подходит к окну [Барт, 2010, с. 37], поднимает палец [Барт, 2010, с. 225] и прочее, то он использует подход, который дает возможность сделать образ

Павла наглядным, візуальна-даказальным, прастранственна-рэалістычным. Вёсё разаме – дынаміка тэалягічных пастроень, аб’ёмная тэалягічная тэпалогія, крытыка дуалізма, «фізічная» аб’ектнасьць, візуалізацыя, прастранственная каардынацыя тэалягічнага месца – складаецца ў прынцыпальную структуру богасловскай доктрыны, якая, згодна К. Барта, павінна абадаваць дынамічным і аб’ёмным характарам.

В сувязі са складным разуменьнем дынамікі развіцця тэалягічнай канцэпцыі ў цэлым асложняецца і воспрыятцё пазіцыі самага К. Барта. Дж. Хансінггер дажэ гаворыць о многуюроўневым воспрыятці трактатова Барта, ў частнасьці яго многотомнай «Церковнай догматыкі»: «Эту книгу можно читать как минимум на двух уровнях. На одном уровне она стремится помочь читателю развить набор навыков. Приобретая эти навыки, можно надеяться, что читатель окажется на более высоком уровне, который позволит понять аргументы в любом отрывке монументальной церковной догматики Карла Барта» [Hunsinger, 1991, р. VII]. Поступательность и последовательно раскрывающаяся мистерияльность – этими свойствами абадаваць канцэптуальнае пастроень Барта, фарміруюццае ў працэсе двіжэня.

Сложность архитектоники тэалягічнага тэпоса Барта заставляе гаворыць дажэ о своеабазавай «аэрадынаміцы» яго састэмы. В апрадэляньях Г. Кюнга пав’яляецца дажэ тэрмін «поворот» (генэтычэска св’язанный, ачэвідна, с "Kehre" Хайдэггера): «У Барта... прайшоэл... – *поворот к прошлому*: не толькы к раннэпротэстантскай ортодоксы, но і (откуда, в конце концов, взялась мудрость этой ортодоксии?) к среднэвэковай Схаластыкэ і дрэвнэцэрковнай патрыстыкэ» [Кюнг, 2000, с. 339]. Хронотэпосный паворот Барта, св’язуючы яго с раннэхрысьціанскай традыцыяй, пралэтаючы сквозь апыт протэстантызма і ў то жэ врэмя пазваляючы аставацца на пікэ саврэманнага тэалягічнага знаяня, эсть та самая інтэлектуальна-прастранственная аэрадынаміка, якая абэспэчывае спосабнасьць настаящага тэаляга к канцэптуальна-духовнай манэврэннасьці пры сахранэньі фундамэнтальнай усьтойчываьці ў вэроучытэльнай догматыкэ.

Тэалягія Барта ў сваём кінэтычэскам развітці становіцца поіскам каардынат ў прастранствэ асьмыслэня Божэствэннага чэлавэком, тэпалогічэскам ісьслэдаваньнэм самага сакральнага прастранства. Барт как падлінный тэаляг ісьчэ – і нахадыць! – свое мэсто ў эьом прастранствэ. І мэсто эьо прэдапрадэляэно для нэго, как і мэсто каждога настаящага тэаляга. Абнаружэньнэ свояй прызваннасьці к даннаму тэалягічэскаму мэсту эсть паказатэль падліннасьці тэалягічэскага бытця. У Барта прэсугугуэь чэткае разуменьнэ тэрттырыальнай скоордынаваньнасьці паложэня правільнага/правэднаго тэаляга: «...чэлавэчэская правэднасьць атакована на свояй тэрттырыі» [Барт, 2010, с. 47], – восклыцаэь он, фіксыруя тэпалогію правэднасьці і тэалягичнасьці, прыдавая самай тэалягичнасьці прастранствэнныя характэрыстыкы. Пры эьом хрысьціанскае мывовідэньнэ пазваляэь Барту внэсьці ў парамэтрыю духовнай тэпалогіі катэгорыі асобой прастранствэннасьці, вклячаючыя аб’ёмна-фігуральныя прызнакы внэшнэго/внутрэннэго, поавэрхнасьтнога/глубіннаго, лэкальнаго/бэзграницнаго. Говоря о тэалягичэскам бытці, Барт атмэчаэь: «Ісьходящій от Іісуса Хрыста свэьт, котрый прыкоснуься к нэму ізвне, затрунул яго не прэсто внэшнэ, но чэрез эьо прыкосновэньнэ ізвне вошел внутрь его» [Барт, 2010, с. 62]. Подлінная тэалягія вэзнікаэь ў канкрэьтнэм мэстэ, но само мэсто эьо духовно подвжжыно, подчынэно аэрадынамікэ свэьта, абучаэьмо спэцыфікэ прастранствэннаго пэрэмэщэня духовнаго свэьта.

Благодаря свэьтоносьной «прастранствэнна-взлэьтной» мобыльнасьці тэалягіі аткрываюься кантury тэалягичэскаго матэрыка, горызэнты «зэьмлі тэалягичэскай». С эього вэзросшэго, вэзлэьтэвшэго урэвня тэалягія Барта спосабна к поліхромнаму вэзгляду на тэалягичэскую прэблэьматыку. «Вэзнікаэь бэьлэе вэьсокий урэвнь, – пыьшэь Дж. Хансінггер, атсчытывая аььтымэтрыю тэалягіі Барта, – на котром прайсьходыць

исследование текстов Барта, что позволяет сформулировать его представление об истине. Происходит предельное прояснение теологических мотивов, что определяет многомерный взгляд Барта на богословскую истину. Эта истина сразу чудесным образом актуализируется в формате текстуальной стабильности, объективной эффективности и экзистенциальной аутентичности, что приводит к обретению уникального в своем роде и находящегося посреди обычного» [Hunsinger, 1991, p. 8] теологического места. Взгляд с высоты теологического «полета» дает панораму подлинного теологического пространства, в котором теолог – как его понимает Барт – находит свою духовную отчизну.

Тот же Дж. Хансингер предлагает даже картографию «полета» Барта над пространством теологического: «Научно-богословские исследования теологии Барта чаще всего напоминают старую карту, составленную на заре современной картографии в восемнадцатом веке. Некоторые основные аспекты его богословия могут присутствовать, но степень их искажения достаточно высока. Топографические особенности могут отсутствовать в деталях. Целые мысы могут отсутствовать или преуменьшаться... Однако задача ответственной критики предполагает более надежное изображение общего рельефа, а также исследование пропорциональных отношений различных концептуальных сегментов. И общий подход, в рамках которого необходимо начинать качественное исследование теологии Барта, – это поиск лучшего варианта картографии» [Hunsinger, 1991, P. 8]. Именно такой картографический принцип (теологический GPS?) позволяет более точно и адекватно представить маршруты теологии Барта, «карту» его богословских перемещений. А потому столь закономерной становится четкая дефиниция теологического места, к которому «привязан» парящий в своих богословских взлетах теолог: «"Местом" теологии мы будем понимать следующее: это предназначенная для нее изнутри, с необходимостью определяемая ее предметом исходная позиция, с которой она должна продвигаться вперед во всех своих дисциплинах — библейской, исторической, систематической и практической» [Барт, 2006, с. 19]. Это и есть та первоначальная пространственно-корневая координата, с которой начинается подлинная теология, от которой она отталкивается и к которой она постоянно возвращается. Та точка, с которой начинается теолог, или, как ее обозначает В. Джонсон, «точка контакта» («Наиболее распространенной богословской стратегией выхода из эпистемологического тупика было найти некую священную "точку контакта" (Anknüpfungspunkt) между Божественным и человеческим» [Johnson, 1997, p. 19] есть начало и продолжение отсчета, альфа и омега всего теологического маршрута Барта.

Признание поступательности, принципиальной динамичности теологической доктрины позволяло К. Барту «доминировать в богословских дебатах XX века около тридцати лет» [Berkouwer, 1956, p. 9]. Это справедливое обозначение приоритетного положения теологии Барта, на наш взгляд, в первую очередь было обеспечено тем, что Барт истолковывал путь теолога в духе пространственно-возносящегося служения высшим духовным идеалам. Образцовым примером такого самоотверженного теологического служения может быть вся научно-богословская деятельность Карла Барта, преподносящая урок раскрытия потенциалов подлинной теологии, урок превосходения возможностей «классической» теологии. А потому с полным правом можно повторить слова В. Джонсон в оценках теологической значимости Барта: «Я трудился на этих страницах, чтобы быть верным Барту, пытаюсь увидеть то, что видел Барт, вместе с тем заглянуть "за его пределы". То, что я попытался представить в этом исследовании – это "подлинный" Барт, более "открытый" Барт...» [Johnson, 1997, p. 190].

Призывом продолжать открывать Барта, делать из его теологических открытий адекватные и практически значимые для современности выводы нам и хотелось бы завершить данный текст.

Список литературы

- Барт К. 2005. Послание к Римлянам. М.: ББИ, 580 с.
- Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М.: Центр Нарния, 192 с.
- Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М.: ББИ, 560 с.
- Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М.: ББИ, 306 с.
- Казем-Бек А. 1972. Христианский путь Карла Барта // Журнал Московской Патриархии. №. 9. С. 53-60.
- Колесников С.А. 2024. Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 49(3): 582–591.
- Кюнг Г. 2000. Великие христианские мыслители. СПб.: Алетейя, 442 с.
- Лётина Н.Н. 2012. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта // Ярославский педагогический вестник.. № 3. Том I. С. 232-236.
- Матаков К. О богословии Карла Барта / URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/o_bogoslovii_barta.pdf (дата обращения: 29.12.2025).
- Православная энциклопедия. 2002. Т. 4: М.: АО Московские учебники и картолитография, 751 с.
- Тиллих П. 1925. Диалектическая теология // Путь. № 1 (сентябрь). С. 148-154.
- Уайтхед А. Н. 1990. Избранные работы по философии. М.: Прогресс. 424 с.
- Berkouwer G. C. 1956. The Triumph of Grace in the Theology of Karl Barth. Grand Rapids. Mich.: Eerdmans. 282 p.
- Hunsinger G. 1991. How to read Karl Barth: the shape of his theology. New York, Oxford: OXFORD UNIVERSITY PRESS. pp. 4-8.
- Jenson W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill. 218 p.
- Johnson W. The Mystery of God: Karl Barth and the Postmodern Foundations of Theology. Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. 320 p.
- Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh. 288 p.
- Lowe W. 1988. Barth as Critic of Dualism: Re-reading the Römerbrief // Scottish Journal of Theology. Volume 41. Issue 3. pp. 377-395.
- Torrance T. F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press. 386 p.

References

- Bart K. 2005. Poslanie k Rimlyanam [Epistle to the Romans]. Moscow: BBI, 580 p.
- Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical Theology]. Moscow: Narnia Center, 192 p.
- Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogmatics]. Volume I. M.: BBI, 560 p.
- Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to the Romans and Philipians]. Moscow: BBI, 306 p.
- Berkouwer G. C. 1956. The Triumph of Grace in the Theology of Karl Barth. Grand Rapids. Mich.: Eerdmans. 282 p.
- Hunsinger G. 1991. How to read Karl Barth: the shape of his theology. New York, Oxford: OXFORD UNIVERSITY PRESS. pp. 4-8.
- Jenson W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill. 218 p.
- Johnson W. The Mystery of God: Karl Barth and the Postmodern Foundations of Theology. Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. 320 p.
- Kazem-Bek A. 1972. Hristianskij put Karla Barta [The Christian Way of Karl Barth] // Zhurnal Moskovskoj Patriarii. №. 9. pp. 53-60.
- Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh. 288 p.
- Kyung G. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St. Petersburg: Aleteya, 442 p.
- Lowe W. 1988. Barth as Critic of Dualism: Re-reading the Römerbrief // Scottish Journal of Theology. Volume 41. Issue 3. pp. 377-395.

- Latina N.N. 2012. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya problemy «rubezhnosti» kak kulturfilosofskogo koncepta [Theoretical and methodological foundations of studying the problem of "borders" as a cultural and philosophical concept] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 3. Tom I. P. 232-236.
- Matakov K. O bogoslovii Karla Barta [About the theology of Karl Barth] / URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/o_bogoslovii_barta.pdf (date of reference: 29.12.2025).
- Pravoslavnaia enciklopediya. 2002. [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 4: Moscow: JSC Moscow textbooks and cartolithography, 751 p.
- Tillih P. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology] // Put, 1925. № 1. P. 148-154.
- Torrance T. F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press. 386 p.
- Whitehead A. N. 1990. Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on philosophy]. Moscow: Progress. 424 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025
Поступила после рецензирования 04.06.2025
Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025
Revised June 04, 2025
Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина; проректор по научной работе, Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью) Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0009-0000-3829-6167](https://orcid.org/0009-0000-3829-6167)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus), Orthodox Christian religious organisation of Belgorod and Stary Oskol Archdiocese of the Russian Orthodox Christian Church of Moscow Patriarchate, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0009-0000-3829-6167](https://orcid.org/0009-0000-3829-6167)